

Посвящается каждому, кто следует
зову своего сердца.

Свидетель мимолетной тишины

«Лета к суровой прозе клонят», — писал Пушкин в «Евгении Онегине». А ему ведь не было еще и тридцати. То есть, следуя закономерности, чаще всего в молодости сочиняют стихи, а уж потом, в зрелости, — прозу.

У Софии Эззиати все случилось наоборот, точнее, иначе: начав с музыки, она пришла сразу к большой прозе — роману «Дневник революции», потом к книге афоризмов и эссе «Опыт постижения мира», а теперь вот и к первой книге стихотворений «Песни айнов».

Книга эта полна тайн.

И само название таинственно. Кто же такие айны? И что за песни они поют? Оказывается, айны — древнейшее население Японских островов и некогда они жили на территории современной России, в низовьях Амура, на юге полуострова Камчатка, Сахалина и Курильских островов. Опуская долгую и трагическую историю этого народа, отметим, что айны — носители уникальной культуры и самобытных традиций.

Поскольку у айнов в древности не было письменности, они выражали свое мироощущение с помощью песен, подыгрывая себе на традиционных музыкальных инструментах — тонкори, муккури и како. А пели они в основном упопо (бытовые песни) и юкар (эпические песни).

А что же София Эззиати? Что роднит ее с культурой этой уникальной народности?

А вот что: «айн» переводится как настоящий человек, то есть подлинный, искренний и чистый в своих помыслах. Именно таков образ автора книги. Поэтическое высказывание Эззиати строится на трех основных принципах: афористичность, глубина и лиричность. Эти же три принципа построения художественного высказывания уже четко прослеживаются и в книге «Опыт постижения мира», но там преимущественно главенствовала мысль, а в «Песнях айнов» важны ритм, настроение, состояние. Если угодно, перед нами мышлечувствование или, иными словами, прочувствованная мысль.

Книга разнообразна и по интонации (а она у Эззиати индивидуальная, своя!), и по форме. В цикле «Круг жизни» представлена преимущественно танка, правда не в строгой классической форме, а с различными отступлениями: скажем, автор использует не традиционные пять строк, а шесть, семь или даже восемь.

Яркая особенность танка Эззиати — рефрен, звучащий в начале и конце стихотворения. Таким образом, получается окольцованная танка, которая по изяществу и мастерству исполнения вполне может соперничать с лучшими образцами этого жанра.

Волна.
Нахлынет и уходит.
Дыханье мира во плоти.
То задыхается — бушует.
То тишь. В безмолвии тоскует.
Волна...

Философичность присуца всему творчеству Софии Эззиати. Причем она не искусственная и надуманная, а естественная, как дыхание, и потому художественно убедительная и постигается не кропотливыми усилиями разума, а сразу напрямую — сердцем.

Бесстрашие.
Берет начало в страхе.
Без страха не познали бы себя.
В его глазах нашли ответ себя искавшие.
Бесстрашие.

Обратите внимание на блестящий афоризм: «Бесстрашие берет начало в страхе»! Здесь не идет речь о знаке равенства между смельчаком и трусом, а лишь

говорится о том, что в основе бесстрашия лежит собственный опыт преодоления страха.

И неспроста цикл называется «Круг жизни», здесь все гармонично: и дыхание каждой отдельной строки, и интонационная вибрация ритма, и рефрены, о которых шла речь выше.

Если говорить о содержании, то тут вырисовывается такой парадокс: стихотворения Софии Эззиати пронизаны прямо-таки вековой мудростью, хотя личный жизненный опыт автора не такой уж большой в силу возраста. Но биологический возраст — это одно, а возраст души — совсем другое. А душа, запечатленная в этих миниатюрах, мудрая и добрая.

Шаг.
Остался позади
Тысячелетний путь
Мытарства, суеты.
Взошедший на сей мост —
Свидетель мимолетной тишины.
Ведь впереди — все то же...
Шаг...

Стоит обратить внимание на композиционный рисунок стихотворений Эззиати, на то, как расставлены знаки препинания, дающие возможность сделать необходимые смысловые паузы. Несмотря на то, что в ка-

ждом тексте есть своя мелодия, перед нами отнюдь не песни, а скорее мелодично-смысловой путь миропостижения. До строки «Свидетель мимолетной тишины» нужно прожить даже не целую жизнь, а, быть может, века, и это еще одна тайна книги «Песни айнов».

Но перед нами ни в коем случае не книга нравоучений или моральных максим, перед нами живые эмоциональные строки, особенно когда речь идет о любимом человеке, как в цикле «Единение».

Я тону в тебе,
Как солнце в море каждый вечер.
Ты оставляешь знаки —
Я иду по ним к тебе навстречу.

Вообще образ пути, именно пути, а не дорожки или тропинки, сквозной в книге: это и путь к какой-то окончательной правде, которая все расставит по своим местам, и путь к любимому человеку, и путь к самому себе. Но смысл не в конечной цели этого метафизического путешествия, а в самом пути, в том, что происходит во время пути. А чтобы двигаться в правильном направлении, всегда есть путеводные знаки, нужно только суметь их увидеть.

Торопись, пока видны следы.
Пока их волны времени не скрыли.
Пока ты не забыл, как мы любили.

И ухватись за ускользящую нить.
И устремись ко мне.
Поторопись.

Очень важна строка «И ухватись за ускользящую нить». В нашем мимолетном ускользящем существовании все-таки есть что-то неизбежное, то, что составляет основу бытия, то, что в конечном итоге выведет нас к свету. В «Песнях айнов», помимо этического напряжения, есть и удивительная лирическая легкость высказывания, и свежие образы, и трепетная нежность по отношению к любимому, особенно в цикле «Единение».

Наиболее гармоничной формой для цикла «Философия грусти» автор выбрала одну строфу, в основном четверостишие. И здесь, помимо ритма, появляется рифма, отчего стихи становятся еще более мелодичными, более стремительными и упругими. А философская составляющая остается столь же насыщенной.

Порой мы прячемся в тени —
В тени волнений наших чувств и опасений.
Но все же сделай шаг и их плени.
Шаг к свету. Свет развеивает тени.

Вот опять образ пути, в котором важен каждый шаг к свету. И круговорот жизни, смена горя и радости на этой многотрудной, но и прекрасной дороге.

Внемли движению волны.
Узнаешь, где исток, где устье.
Поймешь природу счастья, грусти
В дыханье жизненной реки.

Волна — еще один сквозной образ книги. Ее бесконечное размеренное движение завораживает, это своего рода вечный маятник жизни.

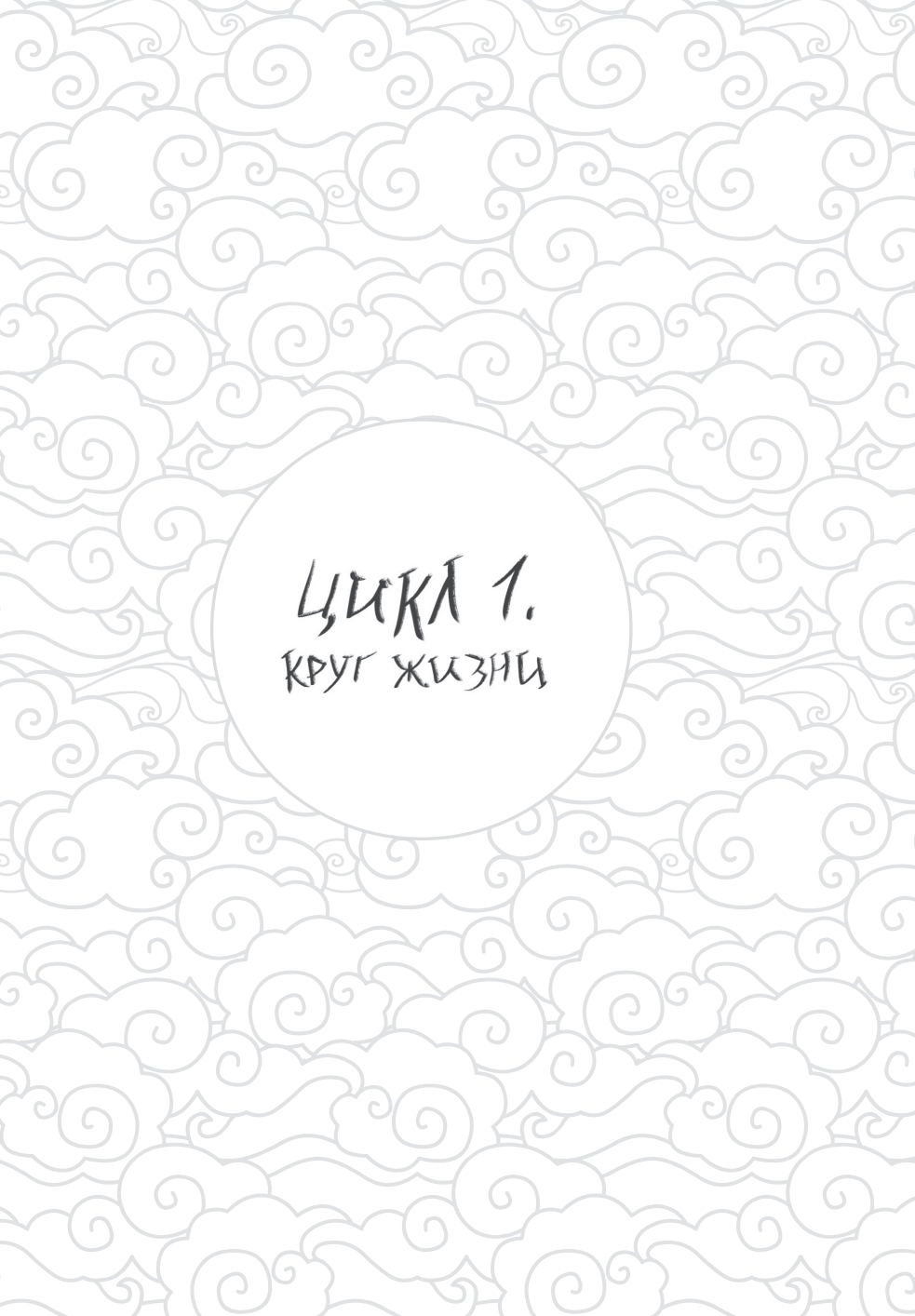
В цикле «Песнь души» также ярко выражена философская составляющая, но здесь мы можем увидеть и две, и три строфы. А вот образ волны несколько иной: «Ты следовал за судьбой, / Подхваченный неистойвой волной времен...» То есть волна у Эззиати бывает не только размеренной и спокойной, но и «неистойвой». Речь идет о скрытой энергии в состоянии покоя. Покой — это не расслабленность, а внутреннее напряжение, скрытое до поры до времени.

Время, вечность, дыхание, молчание, прощание и пустота, постоянно требующая духовного наполнения, — также важнейшие понятия сборника.

Но главной тайной «Песен айнов», навеянных, по словам самого автора, созерцанием красоты японского сада, является сочетание зрелой мудрости и юной красоты — красоты мысли, красоты эмоции, красоты афористичной строки.

*Анастасия Ермакова, поэт, прозаик, заместитель
главного редактора «Литературной газеты»*

ЦИКЛ 1.
КРУГ ЖИЗНИ

1

Вдыхай.
Не думая, не зная.
В миг позабыв, не вспоминая.
Всем существом
Вдыхай...

